

КОНТУР ЖИЗНИ ТАМАРЫ МАДЗИГОН

*Материалы круглого стола,
посвящённого презентации книги Т. Мадзигон
«Контур жизни»*

В начале ноября 2017 года в Казахском национальном педагогическом университете имени Абая состоялась презентация книги известного казахстанского поэта и литературоведа Т. М. Мадзигон (1940–1982) «Контур жизни. Стихотворения. Переводы. Статьи и исследования» (Алматы: Жазушы, 2017).

Появление этой книги – дань памяти яркому и талантливому человеку, поэту, литературоведу, педагогу Тамаре Михайловне Мадзигон. Составители книги С. И. Шубин и В. В. Савельева с огромной любовью, ответственностью и бережностью хранили в своём домашнем архиве все материалы: опубликованные и неопубликованные стихи, переводы, научные статьи, переписку, фотографии Т. М. Мадзигон.

Адолф Арцишевский
прозаик, эссеист

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР ТАМАРЫ МАДЗИГОН

Она ушла от нас, когда судьба стоит в зените, в том возрасте, когда человек преисполнен духовных и душевных сил. Ушла, как бы оставив недосказанность, но, в сущности, сказав то главное, ради чего каждый из нас приходит жить среди людей.

Она успела состояться как учёный, разорвав зону молчания вокруг Павла Васильева, когда он находился ещё в полузапрете. Бунтарский дух его был близок и понятен ей как поэтессе, для которой звучащее слово выходит за рамки семантики, обнаруживая в глубинах своих энергию взрыва. Бунтарский дух его был близок и понятен ей как человеку и, если угодно, как гражданину, потому что человеческое предназначение на земле для неё было равнозначно гражданскому. Сегодня это может звучать даже странно, другие времена. Но ей выпала доля жить в эпоху подцензурной мысли и поднадзорного чувства, когда расхожее «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» наполнялось вполне конкретным смыслом и заставляло человека наперекор обстоятельствам идти против течения, и если король голый, стыдно вместе с толпой орать про то, как он хорошо одет.

Она состоялась как педагог. Тамара читала лекции по истории русской литературы. Студенты могли пропустить любое занятие, но только не её лекцию. Да, это

было интересно, познавательно, понятно. Но сверх того – это приподнимало тебя над самим собой, наращивало твой интеллект, ты становился умнее и одухотвореннее. У неё был редкий дар проповедничества. Себя она не щадила. И даже под занавес, когда смертельная болезнь подтачивала силы, она вела лекции всё с той же стремительной полётностью, как и всё, что делала в этой жизни.

– Знаешь, Адольф, я приловчилась, – призналась она мне в те дни, – перед лекцией выпиваю пятнадцать граммов коньяку, иначе не выстоять. Хватает минут на сорок, почти до звонка на перемену.

До самой кончины, лёжа в гипсе, она руководила работой своих дипломников... Но не будем о смерти, будем – о жизни.

Она состоялась как поэт. Стихи её мы знали наизусть ещё до появления в печати. Я вдруг обнаружил, что многие стихи Тамары я в те годы переписал от руки, как это мы делали тогда с самиздатовскими стихами Гумилёва, Ходасевича и Мандельштама. Дело даже не в том, что её строки расходились на устные цитаты. Всё тоньше и глубже. Переживая то или иное состояние души, ты вдруг обнаруживал, что его уже зафиксировала в своих строфах Тамара, что эти метафоры и словесные формулы уже бурлят в твоём кровотоке, и душа твоя обретает осязаемость кожи. А та публичная экзекуция, которую один из инструкторов ЦК безнаказанно устроил в «Ленмене» стихам Тамары, напечатанным в университетской многотиражке, вызвала в нас почти детскую обиду: разве можно так, по-хамски, грубо, обойтись с тем, чторосло в наши души корнями, что стало их неотъемлемой частью. Авторитета нашему славному ЦК эта дуболомная акция не добавила, а вот для Тамары пережитый ею стресс, быть может, послужил предвестником болезни, которая свела её в могилу.

Ведь если бы только это! Давайте вспомним гнусную историю, связанную с выходом её первой книги. Всё те же доброжелатели из ЦК и Госкомиздата продолжали делать своё непотребное дело. С их подачи в стихах Тамары обнаружили крамолу, которой там не пахло. Но – сигнал из высших инстанций! А в издательстве сидели люди, живущие по принципу: «Чего изволите?». Книгу Тамары Мадзигон пустили под нож.

Пишу всё это и с трудом себя удерживаю, чтобы не назвать имя и фамилию мерзавца, который творил все эти пакости. В конце концов, Родина должна бы знать своих «героев». Ведь жив, жив ещё, сволочуга, и не испытывает никаких угрызений совести, хотя пакости уже творить бессилён...

И не забыть мне: жаркий июльский полдень. Тамара на седьмом месяце беременности плывёт по раскалённому асфальту, как линкор, от Детского мира к Союзу писателей, где базировалось тогда издательство «Жазушы». Она, невзирая на беременность, сумела съездить в Москву, побывать в Госкомиздате СССР, настоять на том, чтобы книга её всё-таки вышла. И вот сейчас надо сделать кое-какие купюры, изъять одно стихотворение, сделать новое оформление и снова отправить рукопись в набор.

Выход книги «Солнечный ветер» мы праздновали как нашу общую победу.

У Тамары ещё в запасе пять лет жизни. Она ещё успеет написать новые стихи, они тоже будут для нас как откровение и, подобно ранним её стихам, лягут в основание наших душ. Успеет подготовить к печати вторую книгу, но выйдет в свет она уже без неё. И младший сын её, Саша, с пяти лет будет расти без мамы...

И тут в самый раз сказать, что она состоялась как мать, жена, хозяйка большого семейства. Трое детей – это, знаете ли, тоже подвиг в нашей городской интеллигентской среде. Свою любовь, свою судьбу она встретила в Москве, где училась в аспирантуре. Сероглазый блондин, истинный волжанин, похожий на Афанасия

Никитина, Серёжа Шубин оказался полной противоположностью Тамары, и эта разница темпераментов и температур создала жаропрочный семейный сплав, способный противостоять всему на свете – кроме, разве что, смерти.

Её, конечно, донимал семейный быт, необходимость готовить, стирать, гладить, вытирать носы и задницы, тащить из магазина и с базара тяжёлые авоськи с продуктами. И, конечно, Сергей не бросал её одну в этом взбаламученном море быта – он у неё вообще был семьянином и мужем примерным. Но женщине, пишущей стихи живущей обострённой жизнью духа, вся бытовая каждодневность не могла не быть в тягость. Тамара тут не исключение. Вспомним, к примеру, Марину Цветаеву.

Бывало, после изнурительной лекции: в одной руке портфель, в другой – тяжёлая авоська, она заходила в «Каламгер», был такой волшебный бар при Союзе писателей. Присесть за столик, выпить чашку кофе, прильнуть словом или взглядом к родственной душе, утихомирить смуту в сердце и вдруг припомнить стихотворную строку, мелькнувшую в круговерти дня, готовую исчезнуть и забыться. Меня как раз после «Аз и Я» турнули отовсюду, я работал техредом на полставки в «Просторе». Тамара как никто понимала моё состояние, между нами возникли те безусловные отношения, что бывают между людьми, пережившими катастрофу и понимающими друг друга с полуслова. Я подхватывал её авоську и провожал на конечную остановку 35-го маршрута, она тогда находилась на Гоголя и Дзержинского. Сама на грани срыва, она пыталась поддержать меня, давала житейские советы. Объясняла, что жене моей много труднее сейчас, нежели мне. Мы, пишущая братия, как-никак находим поддержку в творчестве, в слове, нам дана эйфория самореализации, чего лишены те, кто с нами рядом. Нас одухотворяла и держала на плаву в те минуты доверительность сестры и брата.

Помню нашу последнюю встречу. Было это в конце августа 1981 года. Я вернулся из Москвы, где два года пребывал на Высших литературных курсах, и эту радость возвращения домой, к семье, к друзьям, я должен был отметить с друзьями. Жил я тогда в невероятной дали, за рощей Баума, в так называемом Мехпосёлке, туда ходил и, по-моему, по сей день ходит 73-й автобус. Но друзья хорошо знали мой адрес и по первому зову мгновенно слетались на дружеский пир. Конечно, я пригласил и Тamarу, но она отклонила моё приглашение.

– Это уже не по мне, – устало сказала она в телефон. – У меня просто нет на это сил.

И вот, когда уже все были за столом, когда близилась та минута, которую называют «пир горой», – звонок в дверь. На пороге – Тамара с тросточкой. Улыбка во всё лицо, в карих глазах горячий блеск и былая бравада.

– А я решила: пропадать, так с музыкой! Пусть друзья меня помнят не в унынье и боли, а... такой вот отчаянной и весёлой.

Это был её последний выход на люди. А дальше ей предстояло десятимесячное пребывание в гипсовом корыте, как она сама называла своё последнее прижизненное ложе. Прийти на её день рождения 10 сентября я не смог, я послал ей с Галей Калининой букет осенних полевых цветов. Она откликнулась стихами.

Потом она звонила каждую неделю. Она хотела быть в курсе всех подробностей нашего житья-бытья, она хотела быть всё так же рядом с нами.

В новогодние дни звонков недели две не было: видно, болезнь прихватила её до беспамьятства. Но едва она обрела возможность взять телефонную трубку в руку, раздался её встревоженный бодрый голос:

– Что нового?.. Я тут была немного не в форме и выпала на время из контекста, но вы не думайте – у меня всё в порядке, я снова с вами...

Ей предстояло жить ещё полгода.

*Валерий Михайлов**поэт, прозаик*

ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ ДУШИ

Филология переводится – любовь к слову.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» – так начал свое Евангелие Иоанн-Богослов, любимый ученик Христа.

Поэтический дар, говорим мы, от Божьей искры.

А Бог – любовь.

Всё сходится в литературе, мистическое и земное: Бог – Слово – любовь – поэзия.

Тамара Мадзигон жила литературой – филолог по профессии, поэт по духу.

Мы познакомились с ней в самом конце 1970-х годов, когда я перешёл из газеты в журнал «Простор».

Тамара приходила в писательский бар «Каламгер», наверное, после лекций, хорошо зная обычай своих товарищей подолгу засиживаться за беседами. Она была высокой, стройной и, пожалуй, казалась бы угловатой, если бы не была всем своим существом соразмерна самой себе, своей собственной порывистой грации и цельной натуре. Быстрая лёгкая походка, горячие тёмные глаза из-под романтически-длиннополой шляпки, прекрасная открытая улыбка. За круглым многолюдным столом, где никогда не водилось никакой еды, а только рюмки с коньяком, кофе и сигареты, все ей были рады, как и она всем. От неё шла радость – радость встречи, радость молодости, жизни, радость любви к литературе. В прямоте её суждений светился сильный ум, твердый характер, и эти вроде бы мужские качества шли к ней и вполне соответствовали её яркому облику и необычной красоте. Её человеческое и женское обаяние совершенно исключало малейшую пошлость – и сразу же задавало чистую высокую ноту в разговоре и общении.

Она подарила мне тогда свою первую книжку – «Солнечный ветер», тонкую, малого формата, в ало-красной обложке. Её стихи поначалу мне показались несколько книжными, но что удивительно, они были вне сферы влияния двух солнц русской женской поэзии: ни величавых «королевских» вычур Ахматовой, ни истерических откровений Цветаевой. Пушкинский дух и строй в них явно соединялся с буйным образным полководьем Павла Васильева, трагическая чеканность Блока – с печальным любомудрием Боратынского. Постепенно я обнаружил, что влияние учителей и предшественников Тамарой вполне органично усвоено, растворено в собственном поэтическом даре. Теперь, в наши суесловные времена, по прошествии десятилетий, стихи Тамары Мадзигон по-новому свежи. Не утратив своей тонкой самобытности, они приобрели полнозвучность и весомость. В них навсегда запечатлелось её время, её душа, она сама.

С первых же прочтений мне навсегда запомнилось одно её стихотворение:

Не размыкая век, я вижу берег длинный
И девочку мою, задетую волной,
Мальчишечью возню, скалу с отбитой глиной,
Коротенькую тень, сидящую со мной.
И я не говорю тебе, что мир прекрасен,
Ты знаешь, как и я, не размыкая век,

Что солнце жжёт насквозь,
Что контур счастья красен,
Что вечно юн в песке лежащий человек.

Вечная юность души жила и в самой Тамаре, – тут вся она, с её полнокровным ощущением жизни и вечности.

Недаром её вторую книгу стихов, выпущенную уже после преждевременной кончины, друзья называли – «Контур счастья». И теперь, новую книгу, где собраны стихотворения, переводы, статьи, – «Контур жизни».

...Однажды друг-священник подарил мне цветную фотографию: седобородый афонский монах, в руках большая икона царя Николая Второго и царского семейства. В то время царь ещё не был канонизирован Русской Православной Церковью, однако монахи на Афоне уже признали его святым и писали такие иконы. Над рамкой иконы и платьем одной из царевен была явственно видна некая световая сущность в виде Ангела с крыльями и поднятыми скрещёнными руками. Причём это отнюдь не было чем-то нарисованным или же игрой светотени. Контур яркого света – Ангел с крыльями, как его издавна изображали на христианских иконах. В одном из переизданий моей книги «Великий джут» («Аударма», Астана, 2002) я потом поместил этот снимок, сделав к нему такую необычную подпись: «Афонский монах держит икону с изображением Царской семьи. Слева ясно виден Ангел, не заметный для человеческого глаза и проявившийся на снимке». По преданию, Ангелы вечно служат у престола даже тех храмов, что давно разрушены и от которых остались лишь обломки...

Так и душа Тамары Мадзигон мне кажется контуром света, счастья, жизни, любви... И, невидимая глазу, её душа – где-то, но и здесь – с нами.

Надежда Чернова
поэт, прозаик, переводчик

«СЛЕДИ ЗА ПТИЦАМИ В ПОЛЁТЕ...»

Тамара Мадзигон яркой кометой промчалась по небу нашей жизни, нашей литературы и, как комета, быстро сгорела – она прожила короткую жизнь. Написала немного: стихи, литературоведческие статьи и переводы уместились в один том «Контур жизни», любовно составленный её мужем, Сергеем Ивановичем Шубиным, и её ученицей, Верой Владимировной Савельевой, доктором филологических наук, профессором, поэтом. В книге есть и не публиковавшиеся ранее произведения. Всё бережно хранится в семейном архиве.

Я давно знаю творчество Тамары, была и с ней знакома, но как бы заново её открыла, с удивлением и радостью обнаружив свежесть её стихов. Время их не испортило. Они современные, потому что талантливы, потому что умны, потому что искренни – без женского жеманства, розовых красотостей, лирического нытья. Они похожи на саму Тамару: прямую, иногда резкую в суждениях, влюблённую в жизнь, в людей – простых, бесхитростных, чистых, в природу, которая пронизана дыханием небесной гармонии.

«Её жизнь пришлась на завершающий советскую эпоху период лицемерия, приспособленчества и пошлости, – писал о ней профессор А. Л. Жовтис. – В этой атмосфере она сохранила верность себе и отчаянную, часто казавшуюся чрезмерной бескомпромиссность...»

* * *

Поэзия Тамары Мадзигон – это, прежде всего, великая ответственность перед каждым сказанным Словом, даже если она пишет юбилейное поздравление, эпистолу супругу или шутивную записку. Она всё время чувствует присутствие рядом соглядатая нашей жизни – Всевышнего Творца, хотя напрямую нигде Его не называет:

Не шалите, милый друг,
В нашей жизни столько риска:
Все улыбки и записки
Сквозь века к потомкам прут.
И в судьбу вбивает клин
Жизни нашей соглядатай,
Страсть, ошибку, ревность, сплин
Помечая точной датой...

У неё трепетное, почти религиозное отношение к Слову, и любое грязнословие, любое низменное использование Слова для неё кощунство:

Мне жаль обычные слова,
Что послужили для отмищенья!
Поэт творил стихотворенье
Для отправленья естества!

В своём служении Слову она строга ко всем, даже к близким друзьям, и одному из них говорит безжалостно:

Зачем плетёшь ты небылицы?
Зачем притоптываешь речь?
...Не выношу словесных кружев,
О чём ты врёшь, плывя во тьму?

* * *

Стихи о стихах – о Слове – пишут все поэты. У Анны Ахматовой этому посвящена целая «Седьмая книга» – «Тайны ремесла» (избранное «Бег времени»). Но с Тамарой Мадзигон особый случай: она не время от времени пишет стихи о стихах, а пишет всегда. Слово – главный герой всех её книг, и это неудивительно, ведь она постоянно работала со Словом как учёный, жизнь её была на нём сосредоточена.

Когда-то поэт Валерий Михайлов сформулировал очень точный поэтический афоризм: «Моя Родина – русское слово. Моя Родина – русский язык». Для Тамары Мадзигон русское Слово, русский язык – и Родина с большой буквы, и дом, и дело всей жизни, и пища, и одежда: «Из красных слов мне сшили сарафан...» Как в Евангелии, в начале всего у неё лежит Слово, но проживание в Слове было драматичным. В душе Тамары кипело единоборство поэта и учёного-филолога, добавим, потомственного учёного: её отец Михаил Васильевич Мадзигон тоже был филологом, многие из нас у него учились. В душе Тамары поэт и учёный то сходились в дружеских объятиях, то расходились, и развод казался необратимым: «Опять с собой не совпадаю!» Но вот являлась муза с деревенской дудочкой – и раздор забывался, и душа заслушивалась новой песней. Поэт побеждал! Даже в

научном исследовании творчества Павла Васильева, которого она одной из первых открыла нам, ставшем диссертацией университетского профессора Тамары Михайловны, поэтический язык пересилил филологический. Думаю, ей интересно было писать о Павле Васильеве – совершенно разные по стилистике, по образному строю, они схожи характерами: та же яркость, дерзость, иногда склонность к эпатажу, и молодость навсегда.

* * *

Многие филологи пробуют писать стихи – это как бы неизбежное следствие их занятий литературой, но мало кто становится поэтом. Тамара Мадзигон – замечательное исключение. Она несомненный поэт – но и талантливый филолог. Повторяю: главный герой её книг – Слово. Почти на каждой странице «Контура жизни» строки, строфы, а то и целые стихотворения о Слове или вокруг Слова.

Беру наугад: «...Мне ветер чистую страницу постлал из листьев и песка...», «Слёз нетронутый комочек, перепады между строчек...», «О лирика, лирика, как ты томишь! Любовь, и разлуку, и счастье сулишь, в летучем волнении сердце сжигаешь, и носишься в сердце, как маленький стриж...», «Написать бы стихи, от которых не больно, даже в руки не взяв ни смычка, ни пера, написать бы стихи, и остаться довольной, и уснуть до утра...», «Не могут жить стихи, не могут жить слова – родится горький злак из чёрного присловья...», «Из красных слов мне сшили сарафан... О, сарафан, раздутый от щедрот, прошитый словом накрепко, на диво...», «Не пишет этот человек, его домучивает слава...», «Если только взять чернила – просыпается душа...», «И даже этой страницей принадлежать тебе...», «Постой, не торопись, помедли перед точкой, не может наша жизнь остаться между строчек!...», «Не отрицай моих стихов, я в них сказала всё, как было: как сердце билось на исход и как тебя оно томило. Не перебрала ни на грамм ни одиночества, ни счастья, и указала всем строкам, где им кончаться...», и т. д. Если продолжать, то придётся процитировать всю книгу.

И всё-таки, на мой взгляд, это не «книжная» поэзия. Стихи пронизаны токами жизни, там «сердце бьётся на исход», там живая боль и безоглядное счастье. Там исповедь. Если выражаться образно, то можно сказать, что в книге Тамары Мадзигон небесная атмосфера поэзии окутывает твёрдую Землю с пылающим ядром внутри.

* * *

Тамара Мадзигон переживала двоякое чувство: как поэт, одарённый вдохновением, она понимала, что поэзия – это таинство, тайна, которую человек смертный не может разгадать, и сам поэт не знает, откуда берутся на языке его музыкальные созвучия. Он проводник небесной воли. Муза его послушна «велению Божию». Пушкин называл вдохновение «тенью Бога», и потому все человеческие объяснения тщетны, ибо божественное – необъяснимо. И оно не в словах, оно за пределом слов, оно – сияние, и сияние это видят не многие. Поэты – видят, и потому мучаются от бессилия его выразить.

«Невыразимое подвластно ль выраженью?» – спрашивал Жуковский, и отвечал с печалью: «Спирается в груди болезненное чувство: / Хотим прекрасное в полёте удержать, / Ненаречённому хотим название дать – / И обессилено безмолвствует искусство...»

Но как учёный-филолог, Тамара призвана была давать название ненаречённому, препарировать поэтическое Слово, разымать его на части, как ботаник ромашку.

Но общипанная ромашка вянет, а Слово умирает. Не потому ли Тамара считала, что дар учёного ей дан «недоброю рукой»?

Ах, боже мой, мне это знание
Дано недоброю рукой:
Я слышу знаки препинанья
В искусной речи и плохой...

Думаю, это «знание» иногда мешало ей, как поэту, слушать музыку Слова, но, как учёный, Тамара видела глубинные корни Слова, его произрастание во временах, она видела в Слове отражение народной души.

У науки всегда есть цель. У поэзии её нет никогда. Это понимал Белинский: «Какая цель поэзии?.. Поэзия не имеет цели вне себя, но сама себе цель...» Добавим: поэзия, несмотря на все усилия учёных, была и остаётся тайной, но тем и притягательна для всех, и особенно для учёных. Они как раз работают с тайнами.

* * *

Работа с тайной затягивает, как страсть игромана, а Тамара была страстным человеком – и в жизни, и в науке, и в педагогической практике. Мне посчастливилось слушать её лекции в университете, и это всегда было очень зажигательно. Тамара Михайловна поощряла самостоятельное мышление, и отличившимся студентам дарила хорошие книги.

Вот как в стихотворении «Учитель литературы» повествует она о своём учительстве, о любви к поэзии, о желании привить эту любовь людям:

Я людям Пушкина читаю,
Слова напевные звучат,
И голос Пушкина, и взгляд
Стихом известным оживляю...
И, не щадя души для дела,
Стремлюсь подробно и умело
Смысл красоты им объяснить,
Всё охватить и расчлнить:
Закон строенья, звуков пенье,
Великой мысли напряжение...
И люди учатся ценить
И мастерство, и вдохновенье...

Порыв её благороден, и когда она – популяризатор поэзии, ей удаётся оживить «и голос Пушкина, и взгляд», но как только включается учёный, готовый «всё охватить и расчлнить», Пушкин убегает – от греха подальше! Но учёным уже овладел азарт охотника за тайной:

...Следя за пушкинским мышленьем,
Пытаюсь я установить,
Что означает вдохновенье,
Кто, нежный, скрыт в местоименье,
И трезвый ум его сравнит
Почти с божественным прозреньем.
И «мы» различные, и «я».

На маски разных амплуа
Легко и точно разделяю.
Романтик он, коль пожелаю,
И реалист, коль скоро я
Стихи прочту им про царя...

Однако всемогущество учёного тут эфемерно, хотя ни один учёный никогда не откажется повелевать тайной, познавать непознанное – в том суть науки, в том дерзость человеческого разума. Что ж, «Безумству храбрых поём мы славу!» Вот и Тамара – она тоже из «храбрых безумцев». Пытаясь установить научным путём, «что означает вдохновенье», думая, что правильно трактует замысел поэта, разделяя литературных героев «на маски разных амплуа», объясняя смысл красоты, она в то же время понимает, что это ловля ветра, что истины она не добьётся, и заканчивает стихотворение «Учитель литературы» ироничным резюме:

Передо мной сидят друзья,
А надо мной смеётся гений.

Тамару отличала чудесная самоирония. Но, оборачиваясь на смех гения и сама посмеиваясь, она упрямо отстаивала своё право «на собственный шаг в неизвестность», право на песню:

Есть право на счастье и боль,
На собственный шаг в неизвестность,
Где жизни неясен пароль,
Но есть ещё право на песню...

* * *

И всё же духовная битва порой утомляла Тамару:

Я устала от песенной боли,
Мне бы прозы кусок под стопу,
Разговоров лихих о футболе,
Да подале, поглуше тропу!

Она хотела отойти в тень, жить спокойной жизнью людей, которых не сжигают вдохновение и страсть к разборке литературных механизмов, потому что «отнюдь не метафор бряцанье нам наше дарит бытие». Безмятежно слушать птиц, рожать детей – их у Тамары трое, варить обеды, быть нормальным обывателем, как её соседи.

Иногда ей это удавалось:

И теперь я – прощённый пиит,
Отыскавший с судьбой примиренье,
И чужое стихотворенье
В моём сердце, как камень, лежит...

Но, точно орёл, который попробовал живую кровь и теперь не может питаться другой пищей, так и настоящий поэт, вдохнувший воздух горних высот, не может жить только бытом – вне творчества. Не могла и Тамара отречься от песни. Однако

и тут кипело единоборство – более драматичное, чем битва поэта и учёного. Она вступала в схватку с Богами и Титанами. Она не могла не петь, но понимала, что никогда не сравнится с Жизнью, с Природой, которые «объаты вечным вдохновением», никогда их не перепоёт. Слово её – которое может создавать миры из ничего, залечивать душевные раны, имитировать музыку небесных сфер, – Слово её бес-сильно перед Жизнью и Природой, говорящими без слов. «Мысль изречённая есть ложь» – отчаяние Боратынского настигало и Тамару, которая, как и он, осознавала, что Слово человеко-творца изначально вторично:

Вы любите стихи, а лес
Так независимо простёрся!
И тот, кто в лес со строчкой втёрся,
Тот заблудился и исчез.

И всё же она снова, именно в Слове, находит силу жить и писать – у того же Евгения Боратынского, который верил, что «скорбящий дух врачует песнопенье». Она ставит эпиграфом его строку: «...И только повторенья грядущее сулят...» перед новым своим стихотворением «Повторенья». А чтобы усилить догадку, что в повтореньях смысл вечности, добавляет в эпиграф Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Повторений не страшен разбег.
В них великая скрыта сила,
Перемножен в них день на век
И осмыслено всё, что было.
Повторяйтесь – и ночь, и день.
Повторяйтесь – и свет, и тень,
Возвращайся, моя беспечность!
Жизнь сама превращается в вечность...

После мучительных сомнений Тамара наконец понимает самоценность своей жизни – единственной и новой, как всякая жизнь, своих переживаний, которые воспаляют её Слово:

Но верю, что моей любви
Во мне самой лежат истоки,
Что не Судьба даёт уроки,
Когда горчат любые строки,
А сердце плавает в крови...

* * *

Критик, профессор филологии Виктор Бадиков писал в статье «Контур жизни»: «Тамара Мадзигон заговорила своим голосом уже в 17 лет. “Я – книжная”, – смело призналась она. Но вот перечитываешь её стихотворную юношескую тетрадь, в которой ещё слышны и Блок, и Ахматова, и Есенин, и видишь, как стремительно шла мутация поэтического голоса, понимаешь, что “книжность” её – это скорее показатель рано осознанной культуры слова и призвания...»

Согласна со всем, кроме слова «мутация», и что «ещё слышны и Блок, и Ахматова, и Есенин». Какая мутация? Голос Тамары сразу был поставлен, и она никогда и никому не подражала. Другое дело, названные Бадиковым, а также многие другие

писатели всю жизнь были её собеседниками, часто она спорила с ними, от строк их отталкивалась в собственных сочинениях: иногда брала в эпиграф, иногда просто цитировала в своих стихах, продолжая их мысли и надеясь на культурного читателя, который без кавычек и сносок поймёт, о ком идёт речь.

И если вижу взгляд недетский
Из-под мальчишеского лба,
Боюсь в лицо его взглядеться:
В нём дышат почва и судьба...

«Почва и судьба» – от Бориса Пастернака.

А вот Пушкин – «Мечты, мечты! Где ваша сладость?»

Мечты, мечты... Какая, к чёрту, сладость?!
Они светлы, но их судьба горька,
Созданье их – единственная радость
Для тех, кому действительность узка.
Твои мечты, как голубые тени,
Промчались возле божьего виска...

Какое замечательное поэтическое озарение: «Твои мечты, как голубые тени, промчались возле божьего виска...»

А вот ещё строки – и снова литературная переключка:

В нашем доме сквозняк
Промышляет с полночи,
Что-то ищет, чего-то
Осмысленно хочет:
То ли спящих морочить
Шуршанием слабым,
То ли в горло надуть
Петербургскую жабу...

Здесь Гоголь: «Вмиг надул ему в горло жабу...», и тут же Пушкин – с ночным, мышиным шуршанием бессмысленной жизни.

А вот Лермонтов – Мадзигон информирует его – из наших времён – о том, что гений XIX века мог только угадывать, а Тамара уже знала наверняка:

Всё вынесет душа поэта:
Толпы гоненье, мнение света,
Державной власти приговор,
И милых уст лукавый вздор,
И взгляд внимательный лорнета...
Всё вынесет невольник чести,
И будет жить – и сто, и двести,
К нему тропа не зарастёт...

Она подшучивает над Булатом Окуджавой, а заодно и над идеологией властителей в стихотворении «Путешествие дилетантов» (Б. Окуджава написал одноимённый роман):

Дилетантизм... Он вовсе не опасен
 Для тех, кто приучает нас легко
 К орлам двуглавым, флагам ярко-красным
 И чем телят гоняют далеко...

Она, оттолкнувшись от строф Инны Потахиной о Пушкине, который «снимет с нас клоунский грим», пишет гневный ответ заносчивому стихотворцу, возмнившему себя пророком:

Всё, что есть, замыкаешь строфой,
 Одержимый тщеславным влеченьем
 Сопрягать мирозданье с собой,
 Словно сливки с домашним печеньем.
 И тебя узнаю я тогда,
 Когда слово мычишь о народе –
 Просто рифму нашёл без труда
 И рифмуешь: «народе, погоде».
 А погода – всегда хороша.
 А народы – всегда под рукою...
 И горит, негодует душа
 Каждый раз над твоею строкою...

Это не менторская отповедь, это – сердечная боль от наглости графомана, от попрания Слова. Высокомерия, звёздности у Тамары никогда не было.

«Она жила стихом без “самозванства”, – вспоминал о ней Виктор Бадиков, – гордо и честно носила тот самый сарафан, «сшитый из красных слов». Она относилась к своим стихам достаточно самокритично, чтобы сразу же не поддаться соблазну литературного профессионализма. В 1963 году она говорила мне:

– Вот если бы я была по-настоящему талантлива... Понимаешь, чувствую рамки, за которые не выйти. И всё кажется несерьёзно...»

И в 1978 году в письме к литературоведу Л. Г. Фризмону она выражает сомнения по поводу своих научных возможностей.

«У Вас, конечно, налицо острота исследовательского зрения, – пишет ей Л. Г. Фризман, – и мне не понятно, откуда Ваши сомнения: тянете ли Вы и т. д. Конечно, выбор темы, её аспекты – дело ответственное, здесь нужно хорошо целиться, но я думаю, что с любой темой, которую Вы изберёте, совладаете несомненно...»

Известный писатель Юрий Домбровский, который кроме блистательной прозы писал и прекрасные стихи, говорил о поэзии Тамары Мадзигон: «...В том, что она талантлива, в том сомнения у меня пока нет...»

Но она сомневалась: и в своих научных изысканиях, и в стихах. Здесь нет ничего странного. И великий Лев Толстой сомневался иногда в собственном таланте. В письме к поэту Афанасию Фету называл свою эпопею «Война и мир» дребеденью и клялся никогда больше не сочинять ничего подобного. Представляю, как устал он писать роман, если испытывал к нему отвращение! Говорят, он по пятьдесят раз переделывал каждую страницу, и всё равно остался недоволен.

А державинские «качели»: «Я – Бог, я – червь»? А самоуничижение Боратынско-го: «Мой дар убог и голос мой негромок»? Пушкин в письме к другу и родственнику Петру Вяземскому говорил о своей поэме «Бахчисарайский фонтан», что это дрян-

и безделица, и удивлялся ажиотажу читателей: ведь у него были более глубокие произведения. Но читателям гораздо интереснее интимные похождения султанов, чем рассуждения о высоких материях. Так было в XIX веке, так и теперь. Есть о чём горевать поэтам!

Творческие сомнения Тамары Мадзигон – нормальное состояние настоящего художника, а Тамара была настоящей, была профессионалом – во всём, за что бралась. Это доказывают и её переводы иноязычных поэтов. Только версификатор такого уровня, такого мастерства мог сделать столь блестящие переводы, нигде не повредив авторам, не совершив насилия над их самобытностью, как делают нередко другие переводчики: они не могут забыть о себе, любимых, изо всех переводимых строф выглядывают их длинные уши и болтливые языки. Тамара же очень корректна в переводах, хотя при этом совершенно раскована и гармонична, и за этой раскованностью – громадный труд.

Казахские поэты С. Мауленов, Н. Шакенов, Е. Елубаев, Д. Берсегурова, М. Хакимжанова, Т. Абрахманова, Т. Оразбаева, уйгурский поэт А. Розы – вот неполный список переведённых ею поэтов.

Я повторяю нынче: «Слава Богу!»,
Как будто могут выразить слова
Всё то, что они выразить не могут,
Всё, отчего пылает голова,
Всё, отчего счастливо слёзы льются,
Всё, отчего в душе зажётся свет..
Прекраснейшего слова крылья быются...

Это строки казахской поэтессы Аймангуль Тажибаевой, но эти строки могла бы написать и сама Тамара: они созвучны ей, они продолжают её главную, магистральную тему – Слово. И это всегда – полёт вдохновения. Её перо крылато. Все её строки «промчались возле божьего виска...»

Много поэтов прошло перед нами. Много пройдёт после нас. Как узнать Тамару Мадзигон среди живых и отлетевших? Она дала нам подсказку:

Следи за птицами в полёте –
У них походочка моя...

Тамара Савченко

доктор филологических наук, профессор

О ПАМЯТЬ СЕРДЦА...

Чтобы событие этой встречи состоялось, надо, чтобы не оскудевал наш народ на присутствие в нем таких личностей, как Сергей Иванович Шубин, Вера Владимировна Савельева. Но и этого мало. Надо, чтобы были ещё и замечательные сыновья Иван и Александр. Всем им наша читательская благодарность за действенное оживление памяти. Ведь память – это не абстракция. Она существует в конкретных предметных проявлениях. Книга наследия Тамары Мадзигон стала вещественным воплощением памяти. Выход этой книги – важное событие духовной жизни. Она историческое событие русской культуры в Казахстане.

Прошло тридцать пять лет, как Тамара Мадзигон оставила земной мир. Это достаточное время для забвения. Но книга, собравшая созданное поэтом, переводчиком, литературоведом, оживляет и провоцирует память тех, кто был с ней в одном пространстве, в одном времени. Книга эта обращается к возможному читателю другого времени с нападением узнать тех, кто был до него.

Тамара Мадзигон занимала большое пространство в литературной, филологической, культурной жизни Алма-Аты. Самое её физическое присутствие в малом времени было светлым, радостным и многообещающим. В большом времени не преходящей ценностью остаются её стихи. Собранные в одной книге, они являют целостный и оригинальный мир, в котором жива чистая человеческая душа, которая так необходима в наше суровое время.

Возможность войти сегодняшнему читателю в поэтический мир Тамары Мадзигон даёт особый эстетический опыт. Ценности, утверждаемые в стихах этого поэта, не противоречат его жизненным ценностям. В судьбе Тамары Мадзигон человек не посрамил поэта.

Немалая часть поэтического наследия презентуемого автора – это переводы. Собранные вместе, они свидетельствуют об истинном братстве в литературе той поры. Отдаваясь переводам, Тамара Мадзигон открывала новых поэтов русским читателям и беспрдельно расширяла читательскую аудиторию казахских поэтов. Тамара Мадзигон – переводчик умела находить в русском слове и стихе созвучные, адекватные казахскому слову и стиху ритмы и образы. Прочитайте, например, переводы стихов Мариям Хакимжановой «Матери», «Тобол, мой Тобол». Новые, неизвестные ранее душевные состояния воплотили поэт и переводчик в извечных темах смерти матери и возвращения к родным местам. Годы спустя единомышленник, друг и однокурсник Виктор Бадиков продолжил эту миссию как критик, открывая дорогу к читателям многим казахским литераторам, пишущим на русском языке.

Литературоведческое наследие Тамары Мадзигон позволяет говорить о её научном даре. На следующий год после окончания университета она поступает в аспирантуру вуза Москвы – редкий случай для той поры. Тамара Мадзигон быстро осваивает методологию и методику литературоведческого исследования. В 1964 году опубликованы три научные статьи. По существу, она первой в Казахстане начинает изучать творчество репрессированного, а теперь реабилитированного поэта Павла Васильева. Молодой исследователь берет на себя ответственный груз – задать верное направление восприятию и оценке поэта. Конечно, печать времени неизбежна в некоторых формулировках. Вне идеологических штампов гуманитарная наука не могла быть. Сегодня какие-то суждения стали бы иными. Но в главном исследования Тамары Мадзигон не отменяемы: убедительно показаны фольклорные истоки поэтической стихии Павла Васильева, исследованы оригинальные жанровые формы его эпоса и лирики, выявлена значимость художественной детали и т. д.

Она много успевает. Преподавательский труд изнурителен. Лекции, семинары, курсовики, дипломники – и при этом ежегодно публикуется по несколько научных работ, как показывает список научных и литературно-критических статей, включённый в том её наследия. Статьи о лирике Е. А. Боратынского 1978, 1980 годов свидетельствуют о том, что Тамара Мадзигон ищет и, пожалуй, находит проблему, которую собирается разрабатывать в предстоящие годы. Научная проницательность её безусловна.

Том наследия Тамары Мадзигон напоминает нам о непреходящих ценностях и нужен сегодняшнему читателю.

Жина Попова

*кандидат филологических наук, советник председателя
Московской организации Союза писателей России*

КОСМОС ТАМАРЫ МАДЗИГОН

Трудно переоценить значение книги «Контур жизни» для читателя, для времени, для памяти о прекрасном человеке, поэте, учёном, педагоге – Тамаре Михайловне Мадзигон. Можно лишь благодарно поклониться составителям этого «письма в наше завтра» – С. Шубину и В. Савельевой, автору прекрасного предисловия – В. Бадикову, авторам писем и отзывов и всем тем, кто приложил свою руку и тепло своего сердца к рождению этой книги – Космоса Тамары Мадзигон, в котором жарко бьётся чуткое и мудрое сердце, продолжает полёт крылатое слово, и «песня длится, длится, длится / И больно бьётся у виска».

Внутреннее строение книги очень бережно, очень разумно и пространственно раскрывает все грани творческой и научной деятельности литературоведа и литератора. И приходит понимание истоков её необычной, такой страстной и яркой научной манеры и внутренней строгой требовательности к своему поэтическому мировосприятию и отражению его в неукротимой никем и ничем правде сердца. В бескрайнем пространстве по имени «Тамара Мадзигон» царит своя особая гармония, свой особый нерв совести:

Есть право на счастье и боль,
На собственный шаг в неизвестность,
Где жизни неясен пароль,
Но есть ещё право на песню.

Поэтическая сокровищница Тамары Мадзигон пластична и фактурна – дивные краски природы, оттенки переливчатой женской чувственности, материнского святого чувства любви, самоотверженности и достоинства вплетены в аскетичный орнамент мыслей, переживаний, воспоминаний, надежд, предчувствий. И всё это – при своей щедрой распахнутости в будущую неизведанность – имеет удивительную законченность и данность:

Не отрицай моих стихов,
Я в них сказала всё, как было:
Как сердце билось на исход
И как оно тебя томило,
Не перебрала ни на грамм
Ни одиночества, ни счастья,
И указала всем строкам,
Где им кончаться.

Научный багаж исследователя Тамары Мадзигон авторитетен и солиден, она стала диссертантом-первопроходцем по творчеству выдающегося поэта 30-х годов XX века – Павла Николаевича Васильева. Её научные и публицистические работы отличает высокий профессиональный уровень, но при этом они так свежо и открыто дышат жизнью, акцентируя наше внимание и восприятие на «прекрасном и яростном» мире поэта. Это взгляд исследователя правдивого, смелого, незашоренного идеологией, взгляд, которому «дано такое знание – умение, зренье... состраданье».

Далее были диссертации других исследователей судьбы и творчества Павла Васильева, но именно Тамара Михайловна стала первым негасимым маяком на этом многотрудном научном пути, именно ей так объёмно удалось отразить самобытную, сложной жизненнойковки природу его личности и таланта.

Вспоминаю сама, как во время работы над диссертацией «Фольклорные традиции в творчестве Павла Васильева» я стала всё чаще встречать ссылки на работы Т. М. Мадзигон, важные, но скудные объёмы цитат мой исследовательский интерес уже не удовлетворяли, совершенно естественно родилось желание познакомиться с полными текстами таких информативных и интересных работ. И вот волею судеб я оказалась в Алматы... Стоит ли говорить, что первое, что я сделала в этом прекрасном городе, это посетила Национальную библиотеку РК, предварительно списавшись с её сотрудниками. И была совершенно счастлива от обладания бесценным богатством таких жизненно важных для меня материалов! А сейчас всем страждущим они будут доступны благодаря выпуску «Контура жизни». Составители книги достойно исполнили желание Тамары Михайловны объединить все статьи и исследования, ставшие итогом почти двух десятилетий изучения жизни и творчества Павла Васильева, в одно издание.

Когда-то Тамара Мадзигон написала: «Я захотела жить, и вот – живу, / Зажав до боли жизни тетиву». И это так и есть, она жила, как велели ей сердце и совесть, и сейчас продолжает жить в своих детях, продолжает жить в своих благодарных учениках, которые помнят её, пишут о ней, дарят нам её стихи. Они же являются и продолжателями её традиции поэтических студий в университетских стенах, как Пётр Александрович Ковалёв, ныне профессор Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, который студентом КазГУ посещал лекции и поэтическую студию поэта и учёного Тамары Михайловны Мадзигон. Путь её и как поэта, и как исследователя не завершён: статьи и научные работы актуальны и интересны гуманитарной науке и по сей день, а в глубину и насыщенность её поэзии хочется возвращаться вновь и вновь.

Клара Турмунова - Домбровская

ГОЛОС ТАМАРЫ

Стихи Тамара писала увлечённо и часто: мы жили ими с первого курса университета, с пятьдесят седьмого года: «Если собираешься потерять, не дожив до космической старости, скажи сразу – отберу, го-го-го!» – обложка общей зелёной тетрадки, подаренной мне к двадцатилетию, вся исписана посвящениями и шутками.

Зеленело дерево,
Мир с ним не был грубым,
Только с первым плодом
Оказалось дубом.
Не уподУБляйся!

Тамара не особо думала об известности, публикациях. Но в 1977 году стихи обрели иную ипостась: была издана маленькая книжечка «Солнечный ветер». «Неповторимой Кларенции, которая меня хотела издать ещё пятнадцать лет назад, от Томки». «Дорогому Юрию Осиповичу не для критики, а так. Тамара».

Ещё в начале шестидесятых Юрий Осипович, предостерегая её от подражаний («скажи ей – Блок-то Блок, да и сам будь неплох»), пишет мне: «В том, что она талантлива, в том сомнения у меня пока нет».

А подружились они уже в начале 70-х, когда Тамара с дочкой приехали погостить к нам в Москву.

Прекрасный поэт Давид Самойлов выход «Солнечного ветра» приветствовал так: «Многое в этой книге мне по душе. В ней намечаются и ум, и чувства, и характер. Желаю Вам, чтобы всё это обрело силу. Шагайте дальше».

Стихи в ней жили рядом с преподаванием и «поэтическими пятницами» в университете, работами о Павле Васильеве, Евг. Боратынском. «В одном лице соединились своеобразный художник и тонкий исследователь стиха», – это из предисловия к книге «Контур счастья» профессора Виктора Бадикова, нашего сокурсника.

Позднее совсем неожиданно появилось «Зелёное сердце» – настоящая поэзия в книжке для ребят: лёгкость, изящество, ритмичность, удивительные образы:

А весёлые словечки
Резво скачут без уздечки.

Этим летом Сергей Шубин и Вера Савельева подарили мне её «Контур жизни» – новый сборник стихов, переводов, статей, любовно и высокопрофессионально ими составленный. Снова погружаешься в мир любимых с юности «Весенних остановок», «Колдуньи»... «Расстрел», «Крестьянка». Заново оцениваешь очень хорошие переводы казахстанских поэтов.

Голос Тамары приобретает здесь и зрелость, и силу. Собственно, эта книга – итог её поэтической и литературной работы.

26 октября 2017 г.

Талина Мугник

доктор филологических наук, профессор

«ТЯГА К СОПРИРОДНОЙ ЖИЗНИ»

Когда перечитываешь разом весь корпус представленных в книге «Контур жизни» Тамары Мадзигон стихотворений, отчётливо проступает одна из характерных особенностей художественного мира автора. Странно видеть в творчестве человека сугубо городского – и по детству, и по всей жизни – такое сопряжение личностного и природного начал. Это не просто олицетворения, хотя и тут есть настоящие находки: «И, скрывая в себе новичка, / Выгибается прутик невинный, / Превращаясь в подростка-дичка»; «От ветра постылого черных объятий / Деревья слезами залиты до пят»; берёзы «с глазами тёмными на белом» (по-новому увидеть берёзы, тысячекратно опозитизированные!). Важнее всё же не только олицетворение природы, но именно «тяга к соприродной жизни» (В. Бадиков нашёл-таки адекватное определение, взаимодействие природного и человеческого («Для чего сквозняки / Насылает весна? / Из кого она душу / К утру выдувает? /...Я сама отворила ей / Окна и двери ...»). Какой бы ни была тема: времена года и смена настроений, поэт и поэзия (вообще – творчество, работа), дружба, любовь, материнство, быт и бытие, жизнь и смерть – мотив «соприродности» густо или вкрапленными деталями нередко сопровождает авторские лирические размышления.

Отмеченная черта выражена в стихах Тамары Мадзигон гораздо более спокойно (может быть, философичнее), чем у любимого ею Павла Васильева, где она проявляется столь темпераментно, буйно, безудержно, что побуждает всех, кто о нём пишет, так или иначе употреблять эпитет «яростный» («Чтоб на полном скаку у лохматой выюги / На тринадцатой версте лопнули подпруги»; цветы «с глазами кровавыми»; «...кадки / Полны дождя рыданьем до краёв» и т. п.). Тут надо говорить не о влиянии – Тамара писала ещё до того, как, поступив в аспирантуру, занялась стихами Васильева. Мы имеем дело с общностью мировосприятия. В одной из работ ей удалось весьма точно охарактеризовать специфику олицетворения природы у Васильева – в сравнении с Есениным. У Есенина это «обытование» природы (тут ссылка на книгу Л. Л. Бельской), а у Васильева «единение человека с природой выражается качественно по-иному... природе он придаёт необычайно энергичные черты, не просто уподобляющие её жизни человека для традиционного образного параллелизма, как в фольклоре, а вводящие её на самостоятельных правах в мир любви, ненависти и различных других страстей человека» (с. 405 книги «Контур жизни»).

Метрико-ритмический рисунок большинства стихотворений Т. Мадзигон остаётся в рамках традиционной силлабо-тонической системы. Дольник закономерно возникает в стихах о Блоке, Ахматовой, Цветаевой или с эпиграфами из них. Тематически выделяются в этом плане стихотворения «Крестьянка» (вообще одно из лучших) и «Аисты» – «сами по себе» дольниковые.

Проступают новации в строфической композиции: перекидывание перекрёстных рифм из строфы в строфу (например, «Пусть ей живется очень грустно...») для русской поэзии 1960–1970-х годов – это явление редкое. Только ещё начиналось и то, что позднее вылилось в бум интертекстуальности. Среди стихотворений Т. Мадзигон в этом отношении можно отметить «Всё вынесет душа поэта...» с аллюзиями на лермонтовское стихотворение о смерти Пушкина и «Памяти Ю. Домбровского», где в строке «Не спрятан в архивы ненужных вещей» проступает название самого популярного романа Домбровского, а в строке «Узнать, отчего его череп огромен» – другого его произведения – «Обезьяна приходит за своим черепом».

Как литературовед, Тамара Мадзигон восприняла лучшие новации нашей науки, как раз в это время активно отрещивавшейся от пережитков вульгарного социологизма. Только что открытые наконец работы Бахтина, идеи Лотмана и его школы, Гишмана, Мелетинского и др., так разительно изменившие лицо нашей науки, воспринимались живо и творчески. Помню, с каким энтузиазмом встречала Тамара каждый новый выпуск «Трудов по знаковым системам». Представленные в этой книге её статьи – вполне зрелые, самостоятельные работы в духе обновлённого литературоведения. Идеи Бахтина о художественном хронотопе творчески применены на сложнейшем материале лирики Боратынского. Анализ отдельных стихотворений («На что вы, дни!» Боратынского, «Евгения Стэнман» Васильева) и фрагментов поэм демонстрирует умение с фактами в руках показать, как текст работает, каковы его скрытые пружины, его композиционные и жанровые особенности, как строится характер персонажа и т. п. На три страницы, например, развёрнут анализ метафорического образа П. Васильева «Мы пьём из круглых чашек лето» (с. 486–488).

Защищая Васильева от неверных оценок, Т. Мадзигон смело вступает в полемику с маститыми оппонентами. И если таких, как К. Зелинский, опровергнуть было не очень трудно, то А. Макарову (изданная посмертно книга его внутренних рецензий свидетельствует о высоком уровне этого критика и редактора) или А. Кушнеру возражать надо было, набравшись сил, выстроив тщательно аргументированную систему доказательств. Прослеженные ею по стихам Васильева интертекстуальные

связи с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Фетом, Блоком, Есениным, Маяковским поколебали уверенность Кушнера в «разрыве» Васильева с культурной традицией русской поэзии (см. ответное письмо).

Особенно интересовала Тамару проблема содержательности жанровых форм поэтических произведений, и в этом плане было задумана ею докторская диссертация. Но – судьбой уготовано было

..... остановиться
Без страха что-то не успеть,
Додумать, сделать, одолеть...

Ольга Абишева

профессор КазНУ им. аль-Фараби

«Я ЛЮДЯМ ПУШКИНА ЧИТАЮ...»

Сейчас, когда с удивлением начинаешь осознавать, что время человеческой жизни – миг, когда совершены все положенные ошибки, когда светло и грустно от воспоминаний о прошлом, когда, оглядываясь назад, понимаешь, как быстро всё тает, исчезает, – хочется вспомнить, как это было тогда, когда начиналось, в молодости, в середине 1970-х годов.

Слушая лекции наших прекрасных педагогов, настоящих профессионалов своего дела, мы с однокурсниками выделяли Тамару Михайловну Мадзигон. Мы мало знали о перипетиях её личной жизни, но ощущали в ней человека сильной воли и цельного характера. В ней чувствовалась выучка московской филологической школы, интеллигентность, уважение и живой интерес к человеку, чуткость и проницательность. Ей удавалось сочетать строгую научность с живой, интересной формой изложения. Мы знали, что Тамара Михайловна подготовила и защитила в Московском педагогическом институте диссертацию по творчеству Павла Васильева, её интересовала судьба художника, чьё творчество пришлось на цивилизационный слом Степи. Её статьи, посвящённые вопросам поэтики Васильева, интересны и современны и сейчас, спустя более трёх десятилетий.

В КазГУ она сложилась как учёный и преподаватель, здесь у неё были ближайшие друзья, здесь она воспитала целую плеяду учеников. В ней мы видели настоящего любителя и знатока поэзии. Её лекции по истории русской литературы первой трети XIX века проходили, если применимо подобное сравнение, с полным аншлагом. Мы слушали о философской лирике Пушкина, интересно и с увлечением Тамара Михайловна рассказывала об интеллектуальной поэзии Боратынского, об извечных проблемах бытия в его лирике, о напряжённости и трагической остроте его поэзии, о том, что исследователи и критики ставили Евгения Боратынского в один ряд с Александром Пушкиным, что находки Боратынского в поэзии положили начало русской психологической прозе и многое другое. От Тамары Михайловны мы слышали о только что опубликованных работах Лидии Гинзбург, чьи труды «О лирике», «О психологической прозе» стали уже классическими работами. Именно Т. М. Мадзигон впервые познакомила нас с «Заметками о лирике» Тамары Сильман, «Поэтикой Пушкина» С. Г. Бочарова, работами И. З. Сермана.

Студенты ценили её не только как прекрасного лектора, учёного, но и как удивительной души человека. Достаточно было ей появиться в университете, как тут же проносился шёпот: «Тамара Михайловна пришла». И весь путь её от входной двери до кафедры можно проследить по маленьким водоворотам, образуемым сту-

дентами и аспирантами, которые буквально роились вокруг Тамары Михайловны, словно пчёлы вокруг матки.

Конечно, профессионального общения тогда у студентов с Тамарой Михайловной не могло быть, но она относилась к нам с уважением, приглашала к серьёзному разговору на спецкурсе и лекциях по истории русской литературы.

На филфаке середины 1970-х годов по её инициативе создаётся объединение «Поэтическая пятница». Дух свободолобия и художественного вольномыслия был чертой этого объединения. Никакие идеологемы советского времени здесь не ощущались, поскольку Тамара Михайловна их вовсе не придерживалась. Поэтические пятницы собирали широкую аудиторию, что, несомненно, способствовало духовному развитию студентов. Мой университетский товарищ Кайрат Жанабаев рассказывал мне, что он ещё даже не студентом, а учеником средней школы приходил на пятницы, а однажды прочитал там свою поэму. И Тамара Михайловна отнеслась к нему доброжелательно. Были встречи с поэтами. Бахытжан Канапьянов, Бахыт Каирбеков, Кайрат Бакбергенев – все они приходили к нам на встречи. В то время эти «живые» встречи прививали нам литературный вкус, приучали к регулярному и систематическому чтению.

Мы знаем, как сложна была проблема профессионального общения, в каком состоянии была издательская база многих научных центров в то время. Это сейчас возможности Интернета позволяют связать между собой самых разных людей, самые разные города и страны. Проходит много конференций, где можно поделиться своими размышлениями, обсудить дискуссионные вопросы. А тогда кафедра и частные библиотеки, на мой взгляд, были одним из путей профессионального становления. Они помогали, особенно молодым аспирантам и студентам, найти нужные книги, и Тамара Михайловна щедро делилась с аспирантами и дипломниками своей научной библиотекой. Каждого своего дипломника она помнила, следила за ходом его работы. И они платили ей безграничной любовью и благодарностью.

Сегодня понимаю, что мы жили в поле удивительной, интересной и яркой личности – Тамары Михайловны Мадзигон, так или иначе оказавшей влияние на наше становление.

Теплее и светлее жить с этим!

Аслан Жаксылыков

*писатель, переводчик,
профессор КазНУ им. аль-Фараби*

ОДНА ЛЕКЦИЯ

Мы учились тогда в старом корпусе КазГУ имени С. М. Кирова. Здание главного корпуса университета находилось возле Главпочтамта на пересечении улиц Панфилова и Кирова. Мы – это студенты второго курса русского отделения филологического факультета, набора 1974 года, выбравшие специализацию «Литературоведение». Был май месяц. Помню, что в скверах города и пригородных садах повсюду цвели яблони. В те времена в Алма-Ате воздух был более или менее чистым и, наверное по причине нашей молодости, казался лёгким и прозрачным. Окна той самой аудитории, что на первом этаже, выходили на южный, внутренний двор университета. Двор был покрыт асфальтом, но в центре, поближе к окну рос куст сирени. Форточки окон были распахнуты, и щедро цветущие кисти сирени заглядывали к нам в помещение, соблазняя нас, молодёжь, несказанным ароматом.

Тамара Михайловна читала лекцию по поэтике Тынянова своим ясным, почти звонким, несколько гортанным голосом. Надо сказать, она читала лекции бесподобно, никогда не заглядывая в конспекты, по памяти, и лекции эти были очень сложными, теоретически насыщенными, одновременно настолько осмысленными, что было понятно, что каждый материал – результат кропотливого анализа и серьёзной мыслительной работы. Поэтому они воспринимались нами, студентами, можно сказать, на одном дыхании – с большим интересом, как-то легко, приподнято, с ответным душевным движением. Могу сказать, что мы любили её лекции, потому что чувствовали, что преподаватель от всего сердца работает на нас, старается дать максимально больше. Мы чувствовали, что Тамара Михайловна – необыкновенный человек. Это ощущалось во всем – в голосе, взгляде, отношении к нам, в ауре романтической одухотворённости, окутывавшей её. Взгляд её был сосредоточенным, заинтересованным и одновременно уважительным. Она любила людей, любила жизнь, и это чувствовалось. Лекции она читала, как поэмы.

И на этот раз было так же. Высокая красивая женщина стояла перед нами и музыкально очерченным голосом излагала материал, каждое слово будто выпевалось ею. Мы заворожённо слушали. Каждое её занятие было для меня потрясением. Я старался не пропускать их, как и лекции и семинары Н. К. Савченко. Эти умные женщины с развитой душой вводили нас в мир глубокой и сложной научной мысли, заставляя думать, закладывая программу умственного развития на годы вперёд. Это я стал понимать много позже.

Мы слушали Тамару Михайловну, словно погруженные в некое магическое действо... Вдруг за окном защёлкал соловей. Возможно, это был не соловей, а дрозд – подражатель соловушки. Но трели-то были соловьиными. И это было очередным потрясением – в центре города, во дворе университета пел, заливался соловей! Первой отреагировала Тамара Михайловна. Она оборвала речь, прислушалась и, улыбаясь, повернула голову к окну. Я увидел её высокую, гордую шею с напряжённо подрагивающими жилами. Её лицо порозовело в улыбке, затем в прищуре глядя на нас, она приложила палец к губам: мол, слушайте. И опять я обратил внимание на её необыкновенно сосредоточенный взгляд. И мы слушали. Пение птиц, продолжившей лекцию нашего преподавателя, длилось минут пять, не больше. И это были необыкновенные минуты, которые врезались в память, навсегда запечатлев как астральный абрис Тамары Михайловны, так и вдохновенные трели птицы. Соловей упорхнул, а через несколько лет не стало и Тамары Михайловны. А та лекция все звучит и звучит в моей душе.

Нéтр Ковалёв

*доктор филологических наук, профессор
Орловского государственного университета
им. И. С. Тургенева*

О КНИГЕ «КОНТУР ЖИЗНИ»

Посмертные издания учёных – особый жанр, вызывающий сложные ощущения. А когда держишь в руках книгу твоего незабвенного учителя, это – как продолжение диалога вне времени и пространства. Чувствуешь, как сдвигаются рамки трёхмерности, становится тягучим воздух, а в висок стучит живая мысль... своя ли, чужая?..

Такое ощущение возникало во мне, когда дома у Тамары Михайловны я читал труднодоставаемые в конце 70-х книги Ю. Н. Тынянова «Проблема стихотворного языка», «Архаисты и новаторы». Много позже я понял, почему ей так важно было, чтобы пишущий под её руководством курсовую по миниатюрам Боратынского студент смог открыть для себя сложную простоту формализма, а через это – услышать ритм мышления наставника. Но слишком мало времени было отпущено для достижения этой степени синергии!

Книга «Контур жизни» для меня (и за это моя искренняя признательности составителям!) – как возвращение назад, в ноосферу утраченных возможностей говорить и мыслить с учителем почти что в унисон.

Нужно увековечить память Тамары Михайловны Мадзигон с помощью достижений вечно кипящего и живого Интернета. Организовать страничку в Википедии, выложить книги, фотографии, воспоминания...

И открыть эту страничку я предлагаю стихотворением В. А. Жуковского, полностью выражающим мои благодарности и любовь к Тамаре Михайловне Мадзигон:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

В январе 2018 года отмечают:

80-летие

Адольф АРЦИШЕВСКИЙ, *прозаик*

Турдакын ЖЕКСЕНБАЙ, *прозаик*

Мурат СУЛТАНБЕКОВ, *поэт, драматург*

Ыбырайым СЮИНУЛЫ, *прозаик*

Ордабек ШАЯХМЕТОВ, *прозаик*

70-летие

Сайлаубай ЖУБАТЫРУЛЫ, *прозаик*

Нарбинь КЕНЖЕГУЛОВА, *прозаик*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

